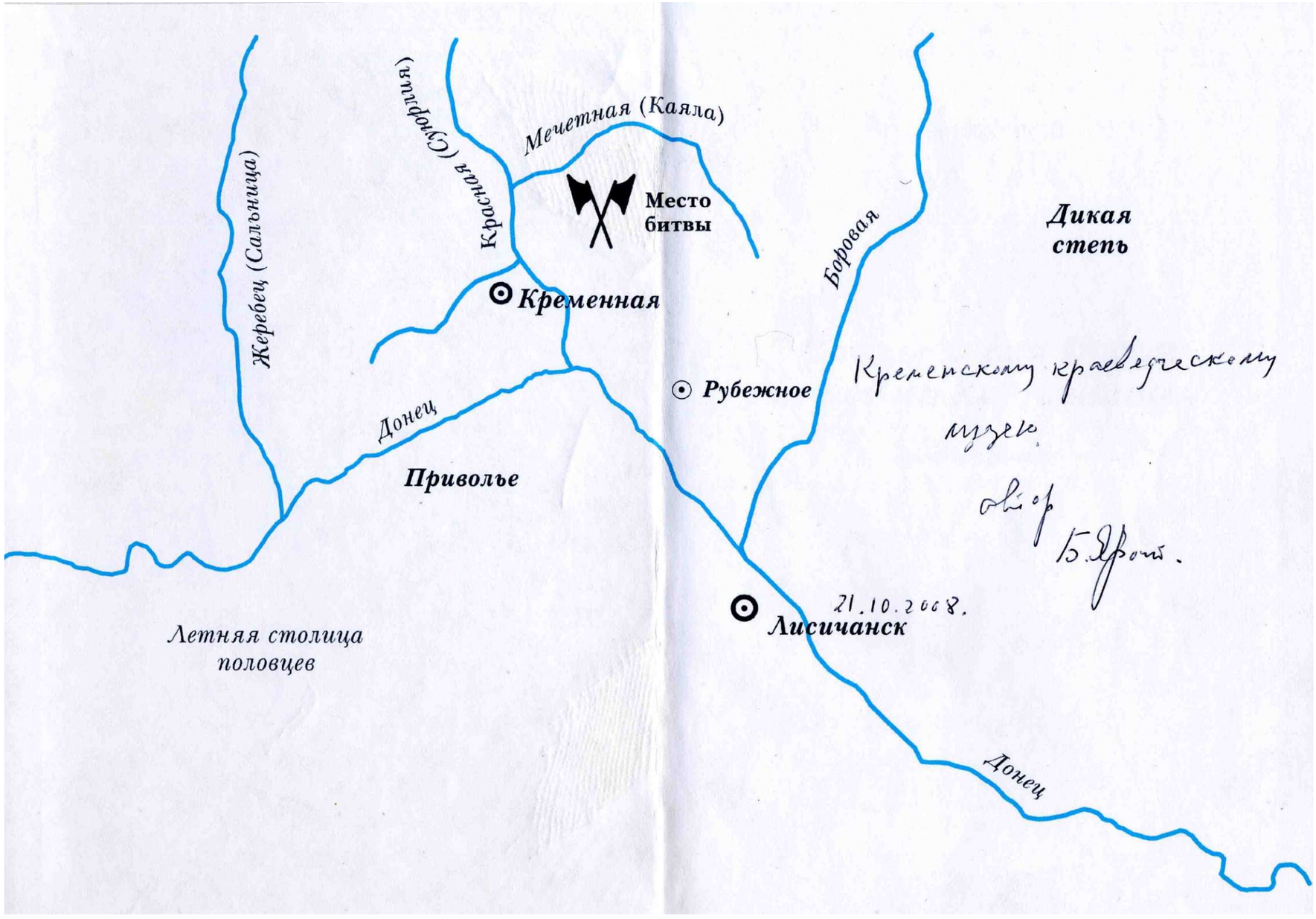
Борис
ЯРОЦКИЙ
Следы князя Игоря
ведут на Кременшину



Кременскому краеведческому музею.
автор
Б. Ярош.
21.10.2008.

Борис ЯРОЦКИЙ

Следы князя Игоря ведут на Кременщину

Историческое повествование

Лисичанск
"Регион"
2006

Издается при финансовой поддержке
Николая Владимировича Куценко

Фото мастера **Владимира Ревы**

ГДЕ ЭТО БЫЛО?

Предки новокраснянцев - донские казаки - пришли на реку Мечетную в начале ХУ11 века. Здесь они основали станицу, а затем, после восстания Болотникова, царская казна объявила их крепостными крестьянами и продала воронежскому помещику Кольчугину, а тот, по преданию, обменял их на породистую собаку. Земля оставалась помещичьей вплоть до 1917 года.

В округе земля разная: есть тучные черноземы - это ближе к Бараниковке, а есть и такая, где растет разве что один чебрец - это ближе к ЬСременной. Здесь проходит граница между лесом и степью, и ее, эту границу, как бы обозначает река Мечетная, тихо текущая в низких песчаных берегах. Мечетную и рекой назвать язык не поворачивается - уж больно смахивает на ручей.

Но эта река со своим легендарным прошлым. Задолго до петровских времен московские картографы обозначили ее синей жирной линией. Как и реку Красную, впадающую в Северский Донец. Кстати, тогда еще Донец не назывался Северским, назывался Северным, то есть протекающим на Севере, за пределами Области Великого Войска Донского.

Чем же река Мечетная заслужила право быть обозначенной уже на допетровских картах?

Прежде всего, она точно указывала станицу, соседствующую с пограничными селениями татар, вассалов крымского хана.

И все же, как свидетельствуют документы, у

московских картографов были более веские причины для нанесения на российские карты реки Мечетной: в истории Древней Руси она оставила заметный след. Какой же?

...Впервые на Мечетную меня привел мой отец, когда мне было шесть или семь лет. На хуторе с одной-единственной хатой, крытой соломой, недалеко от реки, жил знакомый пасечник. У него мой отец заказывал дуплянки.

Я запомнил: на взгорье, сразу за рекой, серебрилась ковыль, и в горячих лучах июльского солнца взгорье казалось кипящим. Пока отец и пасечник беседовали, я искупался в реке. Я плавал на мелководье, касаясь руками песчаного дна, распугивал пескарей.

Вода была теплой, пахла илом, и я сказал отцу: лучше купаться в Красной: там вода свежее и приятней.

И тогда отец преподал мне первый урок географии. Такие реки, как Мечетная, сказал он, образуют Красную, Красная впадает в Донец, а Донец - в Дон, а Дон уже - в Азовское море, а море - это залив океана. Вырастешь - искупаешься и в океане. Его слова оказались пророческими: купаться довелось мне в трех океанах, за исключением Индийского.

У каждого из нас есть своя малая река с ней как правило связано наше детство. В трудные минуты жизни мы памятью обращаемся к ней. Помним рыбалку, купание, встречи с любимыми и все это - Родина.

Северский Донец, принявший воды речки Красная (по половецки Суюрлия).

.. .Может, и море человеческой памяти начинается с малых рек? Многие народы по берегам малых рек отыскивают истоки своей истории.

* * *

В середине XIX века на песчаном берегу Мечетной житель Новой Краснянки крестьянин Стариков нашел старинный меч. На мече были выгравированы буквы славянской письменности. По всей вероятности, это были инициалы хозяина меча.

Находка не стала сенсацией. Старинные изделия находили здесь и раньше, в частности, поделки из бронзы:

бляхи, пряжки, пластины, служившие, видимо, украшением конской сбруи.

Если бы меч, найденный Стариковым, был из железа или бронзы, на него, пожалуй, не обратили бы внимание. Но ценность, по мнению сельчан, представляла рукоятка - она была из серебра. Меч несколько столетий пролежал в грунте, и серебро не окислилось.

Меч у крестьянина Старикова, согласно молве, купил акцизный чиновник то ли из Купянска, то ли из Харькова. Вряд ли он покусился на серебро - тогда серебряную монету бросали нищим на подаяние. На рукоятке был выгравирован хищник, который в здешних местах не водился.

Как мне объяснили специалисты, в запасниках Русского исторического музея есть несколько мечей тысячелетней давности: на рукоятке одного из них изображена голова тигра. Меч этот византийского происхождения. Не исключено, что на вооружении русских дружинников было оружие, купленное в Византии или в других странах Ближнего Востока. В Византии, а до того в Древнем Риме, тигр символизировал силу и бесстрашие.

Найденный у реки Мечетной меч мог принадлежать кому-либо из русских князей, очутившихся в здешних местах примерно тысячу лет назад.

Река Мечетная, как и леса Кременщины, если не каждый год, то каждое десятилетие открывают нам удивительные тайны. И эти тайны, как правило, связаны с историей нашего края.

Еще недавно меж Северским Донцом и рекой Мечет-

ной среди озер, полных водоплавающей птицы, веками шумели могучие боры. На упирающихся в небо соснах степные орлы вили гнезда и безбоязненно выводили птенцов. Но уже к началу XIX века площадь лесов заметно сократилась. Напротив устья Красной расположилась пятая рота аракчеевского военного поселения. Ныне это поселок Приволье Лисичанского района. И все же даже полтора столетия спустя сосновые боры и тенистые дубравы украшали нашу местность. Сосновый бор подступал к самой железнодорожной станции Кременная.

Да что подступал! Вековые сосны росли на перроне. Приходилось удивляться, как строители железной дороги (первый поезд здесь прошел в середине декабря 1895 года) пощадили такой прекрасный материал для строительства.

Я еще застал в живых кременян, которые делали отсыпку железнодорожной насыпи. В годы «незалежности» эту насыпь принялись было разрушать (продавать населению щебенку), но депутаты Луганщины (по их заверению) насыпь отстояли. В те годы (в конце XIX века) на строительстве железной дороги работал наш сосед Влас Николаевич Кияшко. Он рассказывал:

- Валили только те деревья, которые попадали под насыпь. За каждую сохраненную зрелую сосну администрация (железная дорога была государственной, или, как тогда говорили, казенной) землекопам давали полтинник. На него можно было купить полведра водки. Что и делали.

Так что пили и тогда, но леса оберегали всячески. Может, потому, что лесные массивы долгое время были

нетронуты, нам до сих пор представляется возможность делать археологические открытия.

Одно из них - естественно, для себя - я сделал в мае 1946 года.

Ж #

Примерно в пяти километрах восточнее Кременной было живописное место. Здесь, кроме сосен, росла ольха, яблоня-дичка, груша-дичка, боярышник. Когда-то поднимались и густые заросли ежевики, а из-под корней ольхи пробивался родник. Этот родник мне казался живым существом. Вода в нем была прозрачная, как весеннее бирюзовое небо, не струилась, а кипела. Чья-то добрая рука заключила его в деревянный сруб. Родник и до сих пор жив, но вода в нем уже не кипит, а еле сочится.

Этот своеобразный оазис среди песчаных холмов, прикрытых редким пыреем, люди назвали Шулечкой (видимо, от слова «шулика» - по-русски «коршун»). Когда-то здесь на высоких соснах вили гнезда коршуны.

Будучи пастушонком, я довольно хорошо знал наш сосновый лес и его многочисленные, как правило, не большие по площади озера.

Осенью 1942 года, когда фронт коснулся Волги, немцы пустили под топор кременские сосновые леса - им потребовалось дерево для дзотов и дотов. Возводили их по берегам Дона, южнее Воронежа.

Ежедневно по приказу военного коменданта (если мне память не изменяет, военным комендантом Рубежанского округа был майор Бауман, Кременная с ее

заповедными лесами входила в Рубежанский округ) полицаи сгоняли в лес работоспособных кременян. Уже к декабрю 1942 года Кременского соснового бора не стало. За каких-то три года обмелели и высохли озера. На что озеро Гирявое, глубокое и рыбное, превратилось в илистую лужу, а когда рядом с ним протянули шоссейку на Новую Краснянку, оно совсем исчезло. Уже сейчас мало кто помнит, где было это озеро. А тогда мы, кременские мальчишки, достали из него добрую сотню мин от 82-миллиметрового миномета. На берегу озера стояла минометная батарея, и мины при спешном оставлении огневой позиции не успели вывезти.

На месте исчезнувших озер остались травянистые кочки да мелкорослый камыш. Но сюда еще, движимая неистребимым инстинктом, прилетала водоплавающая птица и в высохших кочках пыталась выводить птенцов.

Высохшие озера представляли собой песчаные поляны, легко разрушаемые ветром.

* * *

Очень засушливым выдалось лето 1946 года. В мае не выпало ни одного дождя. Зато непрерывно дули горячие восточные ветры. И все же берега бывших озер зеленели. Земля еще хранила накопленную влагу, и радовала глаз молодая осока, где сидели на яйцах утки-нырки.

Однажды я наткнулся на гнездо, в котором оказалось полтора десятка яиц. Время было голодное, и я уже представлял, как обрадую своих малолетних сестер и малолетнего брата. Но, к моему огорчению, яйца в пищу

не годились - из них вот-вот должны были появиться птенцы.

Я не стал разорять гнездо, решил дождаться, когда появятся утята. Но когда дня через три я вернулся к гнезду, утят уже не было.

Опечаленный неудачей, я возвращался домой напрямик - по дну высохшего озера. И вот там меня ждало открытие.

На сыпучем песке ветер-суховей обнажил множество мелких предметов. Я стал их поднимать и рассматривать. Это были, как я догадался, наконечники стрел. Большинство их - не длиннее ученического пера, трехгранные, между гранями дырочка размером с пшеничное зерно. Наконечники острые, как шило, из нержавеющего сплава, похожего на бронзу.

Среди коротких нержавеющих наконечников попадались длинные, как мизинец мужской руки. Они были изъедены ржавчиной.

Я скоро насобирал полную горсть. Меня меньше всего интересовали наконечники, изъеденные ржавчиной. Для меня не имели они практической ценности. А вот короткие с дырочкой меж граней можно было приспособить к стрелам, которыми ребята стреляли из пружинных пистолетов.

Дома свои находки я показал брату Володе. Мои находки его так потрясли, что он велел показать ему место, где было скопище наконечников. На следующий день мы с братом обошли это и другие бывшие озера. Несколько наконечников подобрали у Пшеничного хутора. Мы ис-

кали там, где ветер выдувал песок.

Насколько мне известно, часть наконечников брат передал в музей, несколько штук подарил учителю истории Павлу Семеновичу Петренко. Этот человек изучал историю Кременского района. Часто выступал в печати. За очерк «Гроза над Чистовкой» был удостоен литературной премии областной газеты «Прапор Перемоги».

Учитель всерьез заинтересовался нашими находками, показал их в Киеве. Нержавеющие наконечники, как ему объяснили, половецкие. Их возраст - примерно тысяча лет. В частности, стрелы с такими наконечниками находились на вооружении личной охраны бабушки Александра Невского. Бабушка великого русского полководца - половчанка, родом с Донца, то есть с наших мест. В то время это были исконные земли некогда многочисленного половецкого племени, а может, и племен. Сейчас это территория Донецкой, Луганской и частично Ростовской областей. Главным богатством половцев были лошади, которых они продавали своим соседям, в том числе и в Византию, прежде всего для пополнения боевой конницы. Согласно летописям, торговля шла оживленно. Многие племенные вожди, то есть ханы, были в родственных связях с князьями уже тогда раздробленной Киевской Руси.

Благодаря Павлу Семеновичу и брату Володе я довольно рано стал интересоваться историей своего Донецкого края. Первая догадка о том, что Кременские леса были свидетелями значительных боевых событий, возникла у меня, когда я, будучи учащимся Лисичанс-

кого педучилища, впервые прочитал «Слово о полку Игореве».

* * *

Свою догадку о том, что известная битва русских с половцами произошла в наших местах, укрепили найденные мной наконечники стрел русского и половецкого происхождения. И еще я узнал, что в разные годы здесь было найдено несколько русских мечей.

Почему их нашли почти восемьсот лет спустя, догадаться уже было нетрудно. Уроненные в воду мечи снова удалось взять в руки, когда исчезли озера и на их месте образовались сыпучие пески. Ветры-суховеи выдули то, что не могло уничтожить время.

Мои коллеги-литературоведы не устают спорить, кто был автором «Слова о полку Игореве». Некоторые историки литературы сходятся на том, что автором был ни кто иной, как сам князь Игорь. Сегодня этой гипотезы придерживается, в частности, профессор Александр Портнов. Он утверждает, что суть этой мысли мы прекрасно поймем, кто является автором, если внимательно прочтем уже само название произведения: «Слово о полку Игореве, Игоря сына Святославля, внука Ольгова». Автор, заявляет профессор, - князь Игорь. С этой гипотезой нельзя не согласиться, так как поэма содержит ряд мыслей, которые мог высказать только человек, наделенный властью. Да и на Руси в те времена умеющих писать можно было пересчитать по пальцам. Это были, как правило, князья и их дети.

Как правило! Но нельзя забывать, что уже двести лет Русь была православной, где практически все служители церкви умели излагать свои мысли на бумаге. С Игорем в походе были священники, по-современному, политработники Они входили в его свиту, вдохновляли воинов и самого князя, он с ними делился радостями и тревогами. После битвы некоторые из них вернулись на родину. И хотя поход был неудачным, он оставил в их памяти яркое впечатление. Самый впечатлительный и самый талантливый из них, по всей вероятности, и разразился поэмой. Игорю, видимо, после похода было не до сочинительства, и вообще не сохранилось свидетельств, что он когда-либо что-либо сочинял. Будь у него такой дар, летописцы не обошли бы его творчество повышенным вниманием. Ближе к истине, пожалуй, был академик Б. А. Рыбаков.

«А что касается тех, пишет он, кто предполагает, будто бы «Слово» написал сам Игорь, то этим исследователям нет лучшего ответа, чем отсутствие в поэме богатырских подвигов Игоря и полное молчание по поводу его возвращения в родную землю. Зловещее молчание».

Сам Игорь, о том свидетельствуют письменные документы, был заурядным князем. Подвигов, которые прославили бы его как полководца и государственного деятеля, за ним не числилось. Родился он 15 апреля (по старому стилю) 1151 года. В святом крещении наречен Георгием. Женился в 1184 году на княжне Ефросинии, дочери князя Ярослава Володимировича Галицкого. По всей вероятности, эта жена у него не первая. Как сообщал о нем летописец, в 1185 году имел он сражение с половцами.

С ним был его взрослый сын Владимир, который, как и отец, попал в плен, и половцы его женили на знатной половчанке. Далее в той же летописи сообщается, что князь Игорь «в 1201 году скончался, оставив после себя пять сыновей». Таким образом, прожил он пятьдесят лет, для своего времени не так уж мало.

До сих пор гадают, где протекает река Каяла. В середине XIX века, например, утверждалось, что «Каяла, река на юге, теперь Кагальник». Но кто хорошо знаком с географией и средствами передвижения XII века, и, конечно же, с истинной целью похода князя Игоря на половцев, тот легко усомнится в достоверности такого утверждения.

* * *

Спорят и сейчас, в конце XX века. Особенно это наглядно было видно в дни празднования 800-летия битвы русских войск с половцами, а, следовательно, и 800-летия написания «Слова о полку Игореве».

И все же… Найденные на малом пространстве сотни наконечников стрел, несколько мечей и множество предметов от конской сбруи, имеющих русское и половецкое происхождение, наводили меня на мысль, что битва русских с половцами весной 1185 года почти за сорок лет до нашествия татаро-монголов могла произойти между рекой Красной (в черте нынешней Кременной) и рекой Мечетной.

Многолетний поиск наградил меня уникальным документом - письменным свидетельством непосредствеи-

ного участника того, трагического для русских похода, в котором путивльский князь Игорь намеревался «поломать копий на дальней окраине степей половецких».

Желание у князя было сугубо монарше: «Пусть я сложу с вами, русские, свою голову, а хочется мне напиться шеломом из Дона».

Передо мной летопись, найденная в Костромском Ипатьевском монастыре. Прочитавший ее профессор Ключевский отозвался о ней так:

«Под пером летописца XII века все дышит и живет, все безустанно движется и безумолку говорит. Он не просто описывает события, а драматизирует их, разыгрывает перед глазами читателя».

Прошу извинить меня за пространное цитирование, но оно стоит того, чтобы люди, прежде всего мои земляки, знали, какое выдающееся событие произошло 800 лет назад на территории нынешнего, Кременского района Луганской области.

Текст привожу в свободном изложении, чтобы читатель мог легко ориентироваться в пространстве и во времени.

& * *

Итак, весна 1185 года.

Игорь Святославич, внук Олега, отправился из Новгорода (имеется в виду Новгород-Северский Черниговской области) во вторник 23 апреля, взяв с собой брата Всеволода из Трубчевска (Брянской области), племянника Святослава Олеговича из Рыльска (Курской области) и

сына своего Владимира из Путивля. Он же, Игорь, выпросил себе в помощь у Ярослава (киевского князя) Ольстина Олеговича с черниговскими ковуями (наемниками).

Князья шли медленно, собирая войско и щадя лошадей.

И вот, когда они приблизились к Донцу (примерно в пятидесяти километрах южнее нынешнего Харькова), уже перед вечером Игорь посмотрел на небо и увидел, что солнце словно уменьшилось, стало как ущербленный месяц.

Игорь в тревожном изумлении сказал боярам и дружине:

- Видите ли вы? Что означает это знамение?

Все посмотрели и поникли головами.

- Княже! - сказали они. - Это знамение не к добру.

Игорь возразил:

- Братия и дружина! Тайн божиих никто не знает. Бог - творец того знамения, как всего своего мира, а на добро посылает нам его Бог или на зло. Посмотрим.

С тем Игорь переправился через Донец и, придя к Осколу, два дня ждал брата своего Всеволода, который шел из Курска другой дорогой.

Оттуда они вместе пошли к реке Сальница (современное название реки Жеребец, протекающей через села Макеевка (Кременского района), Невское, Терны и впадающую в Донец). Здесь к ним вернулись разведчики, которые были высланы вперед, чтобы захватить «языка».

Разведчики сказали Игорю:

- Мы видели ратных людей. Много людей. Враги ваши, как нам показалось, готовы к бою. Так что вы,

князь, или идите вперед быстрее или возвращайтесь домой: не в пору вы собрались.

Тогда Игорь стал говорить со своими братьями:

- Если мы вернемся не бившись, то нам позор будет пуще смерти. Пусть уже что Бог пошлет.

Так, поразмыслив, они продолжали ехать вперед всю ночь. А на другой день, в пятницу, по свидетельству очевидца, уже в обеденную пору они встретили половцев. Те, не дойдя до русских, собрались на холме от мала до велика, выстроились на другом (восточном) берегу реки Сюурлии (современное название - Красная), оставив свой лагерь за собою (теперь на этом месте железнодорожная станция Кременная).

Далее очевидец пишет:

«Наши разделились на шесть полков: Игорь с отрядом в середине, справа - брат его Всеволод. По левую руку - племянник Святослав. Впереди стал сын Игоря - Владимир. За ним отряд Ярослава - ковуи под начальством Ольстина. В третий полк - стрельцы, выбранные из всех полков.

Так построились они к битве.

Игорь сказал братьям:

-Братья! Мы этого искали. Будем держаться.

И двинулись на врагов, возложив надежду на Бога».

Когда они подступили к реке Сюурлия, из половецких рядов выехали стрельцы и, пустив в русских по стреле, помчались обратно. А русские еще не успели перейти реку.

Поскакали назад и остальные половцы, стоявшие далеко от реки.

Святослав Олегович, Владимир Игоревич, Ольстин с ковуями и стрельцы погнались за половцами, не торопясь и не распуская своих полков: передовые отряды рубили половцев, брали в плен.

Половцы промчались за свой лагерь, и наши, как пишет очевидец, дойдя до их палаток, стали забирать добычу. Некоторые же гнались дальше и уже ночью вернулись к полкам с пленными.

Рассеянные половцы стали собираться вместе.

Игорь сказал своим братьям и войску:

- Вот Бог помог нам одолеть врагов и получить честь и славу. Но вы видели, что половцев большое число. Да все ли еще они собрались? Двинемся теперь же, ночью, назад. Если они погонятся завтра за нами, то даже если они все поедут, хоть лучшая наша конница спасется. А остальные будем сражаться, как Бог велит.

Но Святослав Олегович сказал своим дядям:

- Я далеко гнался за половцами, и кони мои утомились. Если я сейчас поеду, мне придется остановиться на дороге.

Всеволод поддержал его в том, чтобы остаться на ночь тут же.

Игорь сказал:

- Что ж, братья, не трудно и умереть, если понимаешь (видимо, за что).

Русские расположились на ночлег.

В субботу на рассвете половцы стали наступать, словно густой лес: русские князья не знали даже, кому из них против какого отряда биться: такое множество их было.

Игорь сказал:

- Видно, на нас собрался весь их народ, - и стал перечислять знакомых половецких хаиов: - Тут и Кончак, и Козубурнович, и Токсобич, и Егебич, и Терьтробич...

Обдумавши ситуацию, русские князья решили спешиться и пробиваться к Донцу. По всей вероятности, они надеялись на спасение в густом лесу. Донец был в трех верстах от русского лагеря.

Князья говорили:

- Если мы поскачем, то сами спасемся, а простых воинов оставим. Грех нам будет выдать их. Будем сражаться пешей ратью. Все вместе или умрем или спасемся.

Князья сошли с коней и бились пешим боем. И тут, сообщает очевидец, фиксируя в летописи, по Божьему попущению Игорь был ранен в левую руку и не мог ею двигать. Его полк был сильно опечален, что их воевода в самом начале боя получил ранение.

Бились крепко весь день до вечера, и в русском войске было много ранено и убито.

Настала ночь субботы, а бой все продолжался. На рассвете воскресенья полк (отряд) ковуев пришел в смятение и побежал. (Таким образом, первыми дрогнули и покинули поле боя наемники).

Игорь в это время был верхом по случаю раны. Он поскакал к полку ковуев, чтобы вернуть их к войску,

но, заметив, что слишком удалился от своих, повернул назад и снял с себя шлем, чтобы бегущие узнали князя и остановились. Но никто не вернулся, кроме Михаила Юрьевича, который узнал князя.

Из воинов немногие пришли в смятение вслед за ковуями, лишь кое-кто из рядовых или из боярской дружины, а хорошие воины все бились дружно пешие, и среди них Всеволод показывал большую храбрость.

Когда Игорь уже приблизился к своему войску, половцы загородили ему дорогу и взяли его в плен на один перелет стрелы от своего полка. Уже схваченный, он увидал, что брат его Всеволод храбро отбивается от нападавших на него, и начал просить себе смерти, чтобы только не видеть, как одолевают брата.

Всеволод так бился, что в руках не осталось оружия. И они бились, идя вокруг озера. (По всей вероятности, это было озеро Западное или же равное ему.)

Продолжаем пересказывать летопись.

.. .Так в день святого воскресенья на реке Каяле Бог навел на них свой гнев и послал нам плач вместо радости и скорбь вместо веселья…

Здесь уместно будет привести слова Игоря, записанные очевидцем, чтобы современник мог судить о нем как о государственном деятеле. Видимо, во все времена в борьбе за власть властелины не жалеют крови своих соплеменников.

Вернемся к летописи.

Игорь говорил:

- Вспомнил я грехи мои перед Господом Богом, ибо

много убийств и кровопролития совершил я в земле христианской. Я не пощадил христиан, но взял приступом город Глебов у Переяславля. Тогда немало зла приняли безвинные христиане: отцы разлучались с детьми, брат с братом, друг с другом, жены с мужьями, дочери с матерями и подруги с подругами. Все были в смятении от плена и скорби. Живые завидовали мертвым, а мертвые были счастливы, что подобно святым мученикам отошли из этой жизни после испытания огнем. Старцы умерщвлялись, юноши несли ужасные раны, мужи побивались и рассекались на части. Женщины терпели поругание.

-- И все это совершил я, - говорил Игорь. - Я не достоин оставаться в живых. И вот теперь вижу возмездие себе от Бога. Где теперь любимый мой брат? Где племянник? Где мой сын? Где советные бояре? Где храбрые мужи и строй воинов? Где кони и дорогое оружие? Всего этого я лишен и связанный предан в руки беззаконных.

Игорь, как сообщает очевидец, продолжал бичевать себя:

- Вот Господь воздал мне по беззаконию моему и по гневу своему на меня. Обрушились на мою голову грехи мои. Справедлив Господь и справедлив суд его, и нет мне уже места среди живых. И я вижу, как другие принимают мученические венцы, посему я, один виновный, не пострадал за всех них? Но, Владыко, Господи, Боже мой! Не отвергни меня до конца. Но если воля твоя на то, буди милость нам, рабам твоим.

.. .Кончилась битва, и пленники были разведены каждый по разным шатрам. Игоря взял из племени Тарголов

муж по имени Чилбук, а Всеволода, брата его (Игоря) взял Роман Кзич, Святослава Олеговича - Ельдечук Бурчевич, и Владимира - Коптя Улашевич.

Тогда же, еще на поле битвы, Кончак взял своего свата Игоря на поруки, так как он был ранен. (Как выясняется, и в древности брали на поруки, проявляя, говоря современным языком, гуманизм.)

В летописи, как мы видим, упоминается имя Ельдечука Бурчевича. Этот половецкий хан приютил и накормил врага своего Святослава Олеговича, дед которого киевский князь Владимир Мономах обошелся с дедом Ельдечука и его соплеменниками совсем иначе.

Обратимся к известному документу - «Поучение Владимира Мономаха». В назидание своим детям и, разумеется, внукам вот что он говорил:

«…мне живьем Бог в руки дал князей (половецких ханов) Коксуня с сыном, Аклана Бурчевича, Таревского князя Азлугуя и других молодых витязей - 15 человек. Всех их я привел живыми, порубил их и побросал в реку Сальну (в Ипатьевской летописи - Сальница, то есть нынешняя река Жеребец)»

«Всего, - продолжает поучать своих детей и внуков Владимир Мономах, - в разное время перебито лучших вождей (то есть половецких ханов) было около двухсот».

Далее летописец продолжает:

«Из столь великого множества мало спаслось каким-нибудь случаем. Нельзя было бегством спастись, так как окружены были (русские) половцами, словно крепкими стенами. По слухам, русских убежало человек пятнад-

цать, а ковуев еще меньше. Остальные утонули в море (то есть в Донце)».

В это самое время великий князь Святослав Всеволодович ходил в Карачев, собирал войско в северных владениях, чтобы идти на все лето к Дону против половцев. Когда он возвратился, то у Новгорода (Северского) услышал о своих братьях, которые пошли тайно без него. Это ему было не по душе.

Он плыл в ладьях, и когда приплыл в Чернигов, туда явился Беловод Просович (один из вырвавшихся из окружения) и рассказал ему, что было в этом походе на половцев.

Свидетельствует летописец:

«Услышав рассказ, Святослав тяжко вздохнул и со слезами на глазах сказал:

- О, милые мои братья! Сыны и мужи земли русской! Бог дал мне усмирить поганых, но вы не сдержали своих молодых сил и отворили (им) ворота на Русь. Да будет воля Господня во всем. Мне было досадно на Игоря, но теперь я больше всего скорблю о нем, брате моем.

И послал тогда Святослав сыновей своих, Олега и Владимира, в Посемье, так как услыхал, что города на Посемьи пришли в смятение. Такая была сильная печаль и горе, как никогда раньше, по всему Посемью, в Новгороде-Северском и во всей Черниговской области: князья захвачены, дружина в плену или побита - народ волновался и беспокоился...»

Дальше летописец рассказывает, что половцы, возгордившись победой над Игорем, пошли на Русь войной:

Кончак осадил Переяславль в Киевской земле, князь Владимир Глебович был опасно ранен в битве и только помощь Святослава и Рюрика спасла город Римов (так ли тогда называли Киев?)...

В то же время другой половецкий хан - Кза - подошел к Путивлю, разорил его окрестности и сжег городские укрепления...»

Затем летописец снова возвращается к судьбе Игоря в плену. Какой тяжести был плен для самого Игоря, так и для его кровных родственников, в частности, для сына, летописец излагает довольно подробно, стараясь быть объективным.

Вот что он записал:

«Половцы оказывали уважение его (Игоря) званию и не делали ему ничего дурного: к нему приставили 15 половцев простых, да еще 5 познатнее, так что всей стражи было 20 человек. Но давали ему свободу ездить и охотиться с ястребами. При нем было пять или шесть человек прислуги. А стража относилась к нему с уважением и слушалась его: если он кого пошлет куда, они безропотно исполняли его приказания...»

Здесь уместно заметить, что уже начался май, в рост пошли травы, стало тепло, и половецкие ханы съехались в свою летнюю столицу - на восточное побережье реки Тор. Теперь это территория в черте города Славянска Донецкой области, а река переименована в «Казенный Торец».

Ханские шатры стояли на довольно большом пространстве: от нынешнего поселка Николаевка Донецкой

области до поселка Приволье Луганской области. Такая разбросанность диктовалась кормовой базой для лошадей - главного богатства половцев.

Такой стала река Мечетная, позлатившая 800 лет назад русских дружинников. Русичи нарекли ее Каялой, рекой скорби.

Туда же, в летнюю столицу, был из-за Донца переправлен плененный у Каялы (Мечетной) князь Игорь и его родственники, бывшие с ним в одном походе. Рядовые воины, взятые в плен, были угнаны в Крым на невольничий рынок и там проданы восточным купцам. В музеях Европы, в частности, Лондона, сохранились документы, свидетельствующие, что половецкие ханы продавали русских рабов, в том числе и бывших ратников, аварам, абхазам, сельджукам, персам и даже купцам из далекой Африки.

Но вернемся к летописи:

«Он (Игорь) велел прислать себе из Руси священника со всем, что нужно для церковной службы. Он ведь не знал промысла Божия и думал о себе, что долго останется в плену. Но Бог спас его ради молитв христианских, так как многие о нем скорбели и проливали слезы за него. Когда он жил у половцев, там нашелся один половчанин по имени Лавр. Он возымел благое намерение уйти с князем на Русь и сказал ему об этом».

Игорь сперва не доверял ему, да и в голове у него были другие, смелые мысли: он думал бежать вместе со всеми своими, рассуждая так:

«Я ради чести тогда не спасался бегством, оставив дружину, и теперь не хочу идти бесславным путем. Но сын его тысяцкого и конюший, бывшие при нем, склоняли его к тому, говоря:

- Князь, иди на русскую землю, если Богу угодно тебя спасти.

Все не выпадало ему удобной поры, какой он хотел. Но когда половцы возвращались из-под Переяславля, советники Игоря сказали ему:

- Ты питаешь в душе намерение гордое и неугодное Богу. Хочешь бежать, взяв с собою людей, почему ты вот о чем не подумаешь. Вот приедут половцы с войны. И мы слышали, что они хотят перебить вас, князей, и всех русских. Тогда не будет у тебя ни славы, ни жизни.

Игорь принял к сердцу их совет, встревожился по поводу приезда половцев и стал думать о бегстве. Но ни днем, ни ночью нельзя было бежать, ибо стража карау-

лила, а нашел он, что самое удобное время, - на заходе солнца.

И послал Игорь своего конюшего к Лавру сказать: «Переезжай на тот берег Тора с запасным конем в поводу».

Они сговорились раньше с Лавром бежать вместе…»

Здесь уместно сделать небольшое отступление. Река Тор, на которой стоит нынешний Славянск, и восемьсот лет назад была неглубокой. Это через Донец половцы переправлялись вплавь. Через Донец вплавь переправляться Игорь не рискнул - стража могла заметить. Хотя путь в русскую землю удобней был строго на Север.

Продолжим перечитывать летопись.

«…Пришел вечер. Половцы перепились кумысом. Конюший пришел к Игорю с известием, что Лавр ждет его. Игорь, ужасаясь, трепеща, встал, помолился на образ Божий и на честный крест, говоря:

- Господи сердцевидец! Спаси, Владыко, меня, недостойного.

Взяв с собой крест и икону, поднял стену палатки и вылез наружу. Стажа его занималась играми и веселилась, считая, что князь спит.

А он, дойдя до реки, перешел ее вброд и сел на коня. Так они перебрались через половецкий стан. Это спасение сотворил Господь в пятницу вечером (месяц и число почему-то летописец не указал)».

Игорь шел пешком 11 дней до города Донец (сейчас это место в черте города Харькова), примерно в ста

двадцати километрах от устья реки Тор (Нынешний «Казенный Торец»).

По грубым подсчетам, Игорь передвигался со скоростью десять километров в сутки, по всей вероятности, делал только ночные переходы.

Далее летописец сообщает, что из города Донец Игорь «отправился в свой Новгород, где ему все обрадовались. Из Новгорода он пошел в Чернигов к брату Ярославу, прося помощи для Посемья. Ярослав обрадовался ему и обещал подать помощь. Оттуда Игорь поехал в Киев к великому князю Святославу. И рад был ему Святослав, а также и сват его Рюрик».

Вчитываясь в текст, нетрудно заметить, что летописец вольно обращается с такими глаголами, как «пошел», «поехал», «шел пешком» (это при коне - то!). А может, и в самом деле коня пришлось постоянно вести в поводу? И все же хочется верить, что летописец был предельно точен в выражении своих мыслей, и мы сегодня имеем возможность представить реальную картину событий, дополненную к той, которая дана в «Слове о полку Игореве».

* ж *

Благодаря этой летописи мы имеем точные координаты важного для России события: битва русских с половцами в апреле 1185 года произошла между рекой Красной и рекой Мечетной.

И еще, что не менее важно для современника: летопись четко обозначила цель похода Игоря на половцев:

Игорь шел грабить своих соседей. Перед этим, год назад, в половецкую землю ходил киевский князь Святослав и вернулся с богатой добычей. Игорю было завидно. Да и какой властелин, будь он в тысячу раз богаче соседа, даже если тот его кровный родственник, не позавидует чужому богатству? Человеческая природа индивидуалиста такова: чем больше человек имеет, тем он алчней, а уж если он хозяин целого государства, будь то княжество или империя, соседу не поздоровится. Даже самому лояльному. Богатство и добропорядочность - в обществе господства частной собственности несовместимы. Так было во все времена, так есть и сейчас, в конце XX века.

И еще. Грабитель, как правило, труслив. В том грабительском походе не с лучшей стороны проявили себя черниговские ковуи. Рассчитывая на легкую добычу, они оставили в половецкой земле свои головы.

В той битве половцы защищали свою, как о том они пели, взрастившую и вскормившую их милую родину, зеленую землю под необъятно высоким небом: раздольные степи с ее глубокими оврагами, тенистыми сосновыми и дубовыми рощами, с бесчисленными табунами лошадей, стадами верблюдов и коз.

Ж Ж Ж

Половцам в наследство досталась придонская территория бывшей Великой степной империи от Черного моря до Желтого. Была такая в У веке нашей эры. Просуществовала эта империя семьдесят лет, и развалили ее не внешние враги, а сами же степные племена, объеди-

ценные мечом воинственных диктаторов.

Таким образом, путивльский князь Игорь был взят в плен на исконной земле некогда многочисленного половецкого народа: истреблять его начали русские князья, завершили истребление татаро-монгольские ханы. Остатки половецкого народа были ассимилированы восточными славянами и татаро-монголами Золотой Орды.

Так что сегодня во многих из нас течет половецкая кровь. Она все еще дает о себе знать, и проявляется любовью к земле, удобреной костями русских и половцев.

Когда-то был половецкий язык, и некоторые киевские князья превосходно им владели. Карамзин считает, что, например, Владимир Мономах «свободно объяснялся на языке половецком».

Восемьсот лет спустя под натиском жестокой глобализации количество языков на планете резко сокращается. Уже каждый четвертый житель планеты из шести миллиардов говорит на китайском, да почти миллиард на английском. Не за горами то время, когда не будет практической надобности в языке украинском, не говоря уже об эстонском, молдавском, словацком. Какое-то время языки народов, имевших свою письменность, будут существовать на бытовом уровне.

Больших высот достигло половецкое искусство, в частности, искусство танца.

Были выдающиеся половецкие поэты и певцы. Об одном из них рассказывает «Волынская летопись». Летопись охватывает события 1201 - 1292 годов. Пересказывать ее трудно, но чтоб сохранить колорит языка, лучше

процитировать место, имеющее прямое отношение к нашему повествованию:

«Умер великий князь Роман, приснопамятный самодержец всей Руси. Он одолел все языческие народы, мудро исполнял заповеди Божии и устремлялся на язычников, как лев. Был сердит, как рысь. Губил их, как крокодил. Перелетал их землю, как орел. Храбр был, как тур. Он ревностно следовал своему деду Мономаху, который губил поганых измаильтян (то есть половцев)".

Летописец называет двух половецких ханов - Отрока и Сырчана. Отрок был изгнан Мономахом «на землю абхазов за Железные Ворота», а Сырчана как не представлявшего опасности для киевской власти оставил у Дона. Говоря современным языком, Отрок был воинствующим диссидентом, и Мономах с ним расправился по-княжески. Сырчан тоже был диссидентом, но более осмотрительным (по нашим понятием, демократом) - на время замолк, затаился, «остался у Дона, оживши как рыба».

Уже тогда (к XII веку) у половцев наблюдается классовое расслоение. Как и теперь, богатые богатели бедные беднели. Знатные ханы связывались узами родства с такими же знатными ханами.

Бедняки (пастухи ханских табунов и стад) были бесправными, все чаще совершали побеги в княжества Киевской Руси. Князья их всячески обласкивали готовили из них лазутчиков. Что-то подобное в мире наблюдается и сегодня. Так некоторые агенты ЦРУ - выходцы из Украины и России.

На своем пути в землю Половецкую русичи встречали озера, полные рыбы и водоплавающей птицы.

Перед нашествием татаро-монголов власть Киевской Руси уже распространялась на все половецкие земли. Половецкие ханы были в полной вассальной зависимости от Киева: «Владимир Мономах пил из Дона золотым шлемом, взяв в свою власть всю их землю и загнав окаянных агарян».

Смерть каждого русского князя была для половцев большой радостью. В связи со смертью великого князя Владимира Мономаха упоминается имя половецкого певца Ора, которого хан Сырчан послал в землю абхазов к Отроку, говоря:

- Володимер умер. Воротись, брат. Приди в свою

землю. Скажи ему мои слова и пой ему песни половецкие. Если же он не захочет вернуться, дай ему понюхать травы по имени евшан (род полыни).

Хан Отрок уже стал, видимо, своим человеком у абхазов, и потому, как утверждает летописец, не принял предложение своего друга и стал слушать родные с детства половецкие песни.

Тогда певец Ор передал ему траву евшан. Отрок, вдохнувши запах травы своих родных половецких степей, заплакал и сказал:

- Лучше мне на своей земле лечь костьми, чем быть славным на чужой стороне.

И вернулся в родную землю.

Можно только догадываться, что Ор страстно воспевал свои родные половецкие степи, а значит, и землю нашей Кременщины.

Пусть землякам не покажется кощунственной моя мысль: благодаря «Слову о полку Игореве», благодаря «Ипатьевской летописи» мы кое-что знаем о мыслях и чувствах русских воинов XII века, но ничего не знаем о половецком народе, почти истребленном и ассимилированном. А ведь мы, кременяне, проросли на костях этого народа. Половцы, коренные жители здешних мест, не одно столетие оберегали свои родные степи и леса, тот же Донец, ту же реку Красную, ту же реку Мечетную, прозванную Каялой, рекой скорби.

Спустя века судьбу половецкого народа разделили американские индейцы.

Ж Ж Ж

Недавно я посетил места, где половцы с оружием в руках защищали свою кровную землю.

На Шулечке еще жива криница, и родничок под старой ольхой все еще дышит. Уже не нашел многих яблонь и груш, но остались еще сучковатые кусты боярышника.

Почти высохло озеро Западное. Здесь под натиском половецких богатырей дрогнули и побежали черниговские ковуи. Их пытался остановить князь Игорь, но половецкая волосяная петля схватила его за горло.

Совсем обмелела Мечетная. Это уже не река, а всего лишь ручей, мутный, засоренный зловонными коровниками. Невозможно поверить, что в ее некогда глубоких прозрачных водах тонули русские воины, роняли свои мечи и шлемы, чтобы почти через тысячу лет их подняли далекие потомки этих воинов.

Тридцать лет назад мне пришлось писать о крымской реке Салгир, на которой стоит Симферополь. В Подольском архиве Министерства Обороны мне под руку попался документ - рапорт о баталии на реке Салгир. В рапорте сообщалось, что многие солдаты не умели плавать и поэтому утонули. Русские войска форсировали Салгир в черте нынешнего Симферополя. Двести лет спустя здесь бродили козы, переходя реку вброд, не замочив вымени.

Нынешнюю реку Мечетную разделяет с рекой Калой восемь столетий, но ее берега только начинают раскрывать свои тайны.

Кстати, почему со временем реку назвали Мечетной? Может, потому, что здесь находили мечи? Наверное, не поэтому.

Вероятней всего, когда еще южная граница Московского государства проходила в верховьях реки Оскол, здесь, в Диком Поле, были татарские поселения, - северная граница исламского Крымского ханства. И где-то здесь, на берегу, над сосновыми лесами возвышался зеленый купол мечети.

К сожалению, а может, и к счастью, все, что создано природой и руками человека, превращается в прах.

Восточные мудрецы подметили:

Пыль падает и улетает в высь.

Нетленной остается только мысль.

У этой речушки есть главная достопримечательность - село Новая Краснянка. Хотя это по всем признакам станица. Есть и станица Краснянка, ее называют Старой, сегодня это пригород Кременной. Восемьсот лет назад здесь вдоль Донца тянулись непроходимые чащи, да и Донец был намного шире и полноводней.

Четыреста лет назад сюда, на границу с Крымским ханством, вассалом Оттоманской империи, пришли, как уже упоминалось, донские казаки - сторожить южные земли России. Донских казаков тронула краса здешних мест, и свою станицу они назвали Краснянкой, что означало «красивая».

В станице Новая Краснянка (теперь это Село Кременского района на Луганщине) в XIX веке слобожанин Стариков в своем огороде выкопал серебряную рукоятку старинного меча.

Но русские люди сюда приходили и восемьсот и тысяч лет назад. Сюда их приводили князья. И один из них - путивльский князь Игорь - ходил в землю половецкую «добывать себе славу, а дружине честь».

Чем это обернулось, мы узнаем из письменных памятников, и, пожалуй, главный среди них, вошедший золотой строкой в историю мировой культуры, это - «Слово о полку Игореве».

Село Залиман Кременского района
Луганской области.
1995.

Неизвестный автор

СЛОВО О ПОПКУ ИГОРЕВЕ

Новый перевод

Вступление

Не пристало ль, братья,
Нам с уст сорвать печать:
Рассказать, как ратью
Шли к Дону давеча, -
О походе Игоря эту песнь почать,
О походе Игоря Святославича?

И начинается эта песнь ново-наново,
Хоть из старого взойдет слова-семени,
И по замыслу уже не Боянова,
А по былям нашего будет времени.

А ведь вещий пел Боян мудро, с толком:
То по древу белкою растекался он,
То орлом под облако поднимался он,
То стелился по земле серым волком.

Ведал о веках седых и о битвах он,
Помнил и давнишних лет междусобицы.
Всех он помнил, кто погиб иль попал в полон,
Но слагал о том он песнь на особицу.

Выпускал Боян в полет десять соколов
Да на дело их пускал - на высокое:
Он на стаю их пускал лебединую, -
Каждый сокол выбирал цель единую,

Ту, что сокол настигал самой первою,
Той и самой первой петь князю славу, -
Чистым голосом своим лебедь белая
Пела песню старому Ярославу.

Пела лебедь каждый раз любо-дорого -
То Мстиславу храброму, в битве жесткому,
Что Редедю заколол, злого ворога,
Пред полками заколол, пред касожскими,

То Роману, что лицом был пригожий
Да и статью был хорош - крепок телом.
Ярославских корней князь был тоже
И прославил этот род ратным делом.

Ах, как эти лебеди звонко пели, -
Что за мастер был Боян, в самом деле.

Но не десять соколов он пускал лихих, -
То персты, как соколы, вылетали
И на струны падали и клевали их:
Славу струны те князьям рокотали.

Пел неторопко Боян, как и мы сейчас
О походе Игоря поведем рассказ.
От Владимира начнем повесть с гордостью
И до Игоря дойдем с уважением:
Игорь выковал свой ум личной твердостью,
Мужеством его острил он в сражениях.

Полный духа ратного, молодецкого,
Он собрал свои полки против нечисти,
Чтоб на земли их вести половецкие -
В бой за землю русскую, за Отечество.

Тут и глянул Игорь вверх - над собою -
На солнце поглядел в изумлении:
Солнце вдруг закрылось пеленою, -
Было знаменьем то дурным то затмение.

Но сказал дружине князь:
«Лучше мертвым пасть,
Чем поддаться ворогу и в полон попасть.
Чтоб взглянуть на синий Дон, братья, поскорей
Сядьте на оседланных, на лихих коней.

С вами, русичи, хочу преломить копье
В половецком поле я с вражьей силою.
Или голову сложу с вами заодно,
Иль шеломом зачерпну Дона синего...»

О, Боян, ты - соловей времени былого,
Если б о походе том ты промолвил слово,
Если б ты воспел его истово и рьяно
Да порыскал бы притом по тропе Трояна!

И скача, о соловей, по раздумий древу,
И умом под облака высоко взлетая,
Ты бы всех приворожил к своему напеву,
Славу тех и этих дней в цепь одну сплетая.

Ты б сложил, Велесов внук, песню величаво,
И, наверно бы, вот так эта песнь звучала:
«То не буря унесла соколов от дому, -
Галки стаями летят черной тучей к Дону…»

Иль вот так, Велесов внук, русской славы ради
Ты б об Игоре пропел и его отваге:
«Вот уже поход трубят трубы в Новограде,
И в Путивле на ветру гордо реют стяги.

За Сулою кони ржут, мнут копытом травы,
И звенит над Киевом звонкий голос славы…»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Почему стоят полки? Притомились, что ли?
Брата Всеволода ждет Игорь в чистом поле.
И сказал, придя, буй-тур -
Всеволод плечистый:
«Ты один мне. Игорь, Брат, -
Свет ты мой пречистый.
Нас с тобой не разлучат ни вражда, ни злоба
Святославичи, мой брат, мы с тобою оба.
Ты седлай своих коней, а мои - готовы:
Поены и кормлены, и подпруги новы.
Я еще у Курска их оседлал заране,
И готовы в бой мои воины-куряне,
Эти храбрые бойцы тем и знамениты,
Что под звуки трубные все они повиты.
Вскормлены с конца копья,
С детства меч им ведом,
И взлелеяны они под шеломом дедов.
Луки их натянуты, сабли их наточены
И колчаны вскрытые к седлам приторочены,
Все пути знакомы им, и они на воле,
Словно волки серые, скачут в чистом поле.
Скачут-то не попусту и не для забавы, -
Чести для себя ища, а для князя - славы».

10

Выступать уже в поход подошло, знать, время,
И вступил ногою князь в золотое стремя.
«В седла, братья!» - крикнул он громко,
Как на вече,
И повел свои полки половцам навстречу.
Темнотою путь ему солнце преградило,
Ночь, ревущая грозой, птиц всех побудила.
Свист звериный поднялся - справа он и слева,
Встрепенувшись, кличет Див на вершине древа.
Он кричит, кричит во мгле, не дает покою -
Самым дальним землям всем грозит бедою.
Слышат этот грозный клич и во вражьем стане,
Даже слышит истукан, что в Тмуторокани.

3

И наполнилась тут тьма грохотом тревоги:
К Дону половцы бегут - полем, без дороги.
Всюду в непроглядной мгле слышен их
Всполошный бег:
Не смолкает ни на миг
Скрип немазаных телег, -
С криком лебедей он схож и подобен стону...
Игорь ратников ведет тоже прямо к Дону.
Птицы на дубах кричат, знать,
В предчувствии беды,
И лисицы лают в тьму на червленые щиты.
Волки рыщут по полям -
Страх наводят на коней,

И орлы уже зовут на кровавый пир зверей.
Но ведет дружину князь, не спеша ведет - с умом.
Где ты, русская земля? Ты уж за холмом!

4

Долго длилась эта ночь,
Наконец зажглась заря -
Все вокруг покрыл туман, стихли песни соловья,
Только галки, пробудясь, спорят меж собою…
Русичи, сомкнув щиты, красною стеною
Перегородили степь возле переправы -
Чести для себя ища, а для князя - славы.

У речки Сальница (на современных картах Жеребец, левый приток Северского Донца) дружина князя Игоря наблюдала солнечное затмение и светящиеся облака.

10

В то же утро, в пятницу, русичи великие
Половецкие полки потоптали дикие.

И рассыпавшись в степи, словно стрелы меткие,
Половецких девушек захватили ясных,
А еще и золото, да и ткани редкие -
Гору бархатов, парчи и шелков прекрасных.

В полдень, не остыв толком от сражения,
Замостили русичи лужи и болотца
Епанчами, шубами, всяким украшением -
Словом, все бросали в топь, что ни попадется.

Из добытого в бою половецкого добра
Только, как в награду, взял Святославич смелый
Алый вражеский бунчук - с древком, что
из серебра.
Да еще червленый стяг взял с хоругвью белой.

6

Намахавшись саблями, приустав до боли,
Спит Олегово гнездо прямо в чистом поле:
Распластавшись на земле, отдыхает тело.
До чего же далеко войско залетело!

Это славное гнездо не было порождено
На обиду соколу или врагу скверному,
Это храброе гнездо на обиду не дано
И тебе, поганому, - половцу неверному.

Разогнали русичи степняков ораву,
Заслужили русичи боевую славу.
Гзак бежал, что серый волк,
В ночь по полю дикому, -
За собой его Кончак к Дону вел великому.

7

А наутро в кровяном уборе
Поднялась над спящими заря.
Тучи черные идут от моря,
Грозными громами говоря.

В страхе на дубах листва трясется,
Рвется молний голубая нить.
Тучи сгрудились - хотят закрыть
С четырех сторон четыре солнца.

(Примечание. Четыре солнца - это четыре русских князя, участвовавших в битве.)

Знать, великому быть грому ныне, -
Сыпаться дождю из вражьих стрел.
Черный ветер по степной равнине,
Словно черный ворон пролетел.

Переломится копье стальное,
Пощерблятся сабли лучшей стали,
Там, где встали русичи стеною, -
Возле Дона, на реке Каяле.

Все грозней, грозней грохочет гром…
Где ты, русская земля? Ты уж за холмом

8

Вот несут ветра - Стрибожьи внуки -
Тучи стрел на русские полки, -
Их, сквозь злобой выгнутые луки,
Половцы пускают из руки.

Степь гудит, вся от копыт рябая,
Реки замутненные текут,
Пыль клубится, землю покрывая,
Трубы воют - половцы идут.

Все пришли - от Дона и до моря,
Обступили русичей - стоят,
Словно угрожая или споря,
Стяги их с ветрами говорят.

Вдруг негаданно, по чьей-то воле, -
Дети бесовы, задрав клинки,
Криком перегородивши поле,
Понеслись на русские полки.

Тотчас русичи, в ответ на это,
Встали все стеною, как один:
Щит к щиту прижался без просвета,
Половцам дорогу преградив.

10

Ярый тур - князь Всеволод могучий,
Ты стоишь на поле брани твердо:
Рубишь харалужскими мечами,
Осыпаешь стрелами неверных.

И куда бы, тур, ни поскакал ты,
Золотым сверкаючи шеломом,
Там ложатся головы побитых -
Нечестивых половцев поганых.

Всюду, князь, тобой разбиты в щепки
Саблями калеными, кривыми
Крепкие аварские шеломы,
Прочие заморские доспехи.

Ярый тур - князь Всеволод бесстрашный,
Ты презрев увечия и раны,
Позабыл ты в яростных сраженьях
Даже славный город свой - Чернигов.

Позабыл и стол златой ты отчий,
И почет, и радость мирной жизни,
Звычаи-обычаи забыл ты
Глебовны - жены своей прекрасной.

10

Далеко ушли века Трояна,
Миновали годы Ярослава,
Отгремели славные походы -
Годы Святославича Олега.

Он, Олег, мечом ковал крамолу,
Стрелы по земле повсюду сеял.

Лишь вступал он в золотое стремя
В дальнем городе - в Тмуторокани,
Тотчас звон Олегова оружья
Слышал Всеволод - сын Ярослава.

И Владимир Мономах стерегся, -
Чтоб ему того не слышать звона,
По утрам закладывал он уши -
Запирал в Чернигове ворота.

11

А Бориса - сына Вячеслава,
Смелого и молодого князя,
Слава привела на суд кровавый
И зеленый плащ травы осенней
Вместо савана ему постлала.
Недалече от Чернигов-града
Пал в бою он у реки Канины
За обиду храброго Олега.
В той же битве на реке Канине

Смерть настигла князя Изяслава.
В горе Святополк за ним приехал.
Погрузил отца он на носилки
Между двух венгерских иноходцев
И повез к Святой Софии в Киев.
Прозван Гориславичем Олег был,
Потому что зло торил, как ворог:
Сеял и выращивал он всюду
Горькие плоды междоусобиц.
От своих же русичей-соседей
Погибала жизнь Даждьбожьих внуков:
Век людской все время сокращался
В бесконечных княжеских крамолах.
Голос пахаря в широком поле
Был тогда почти совсем не слышен.
Вороны лишь граяли повсюду -
Мертвецов промеж собой делили.
Да и галки, как о щедром пире,
Разговор вели о мертвечине.
Много было страшных битв в те годы, -
Яростных, жестоких и кровавых, -
Но вот о такой, как эта битва,
Раньше на Руси и не слыхали.

12

Битва шла весь день с утра до вечера, -
Отдохнуть и ночью не присела.
Степь была конями искалечена, -
Вспахана для страшного посева.

То не дождь, а стрелы плоть хлестали,
И небо рассыпало громы,
А трещали копья и блистали,
И гремели сабли о шеломы.

Смерть убитых сеяла горстями
И посев свой поливала кровью.
Степь была засеяна костями,
Что взошли по русским землям скорбью.

13

Чу, какой-то шум, какой-то звон, -
Пред зарей меня коснулся он.
Это Игорь ворочает рать -
Жалко брата милого терять.

Бились день, другой и третий тоже -
В полдень пали Игоревы стяги.

И на береге речки, на Каяле,
Разлучился Игорь с милым братом.
Русичи вот так отпировали -
Сами полегли и напоили сватов.
Речка окаянная Каяла,
Выпила ты русской крови море,
И трава от жалости повяла,
И склонились дерева от горя.

10

Тяжкое настало время, братья, -
Полегло Даждьбожья внука войско,
И пустая степь его покрыла
Навсегда ковыльным покрывалом.

Встала над могилой той обида -
Дева с лебедиными крылами, -
И вступила на Трояна землю,
И прошла от Дона и до моря.

И, плеща печальными крылами,
Времена счастливые прогнала.
Вот тогда князья и перестали
Защищать Россию от неверных,

Даже брат тогда родному брату
Мог сказать, в глаза бесстыдно глядя:
«Это все - мое и это - тоже...»
Лжа, как ржа, князьям проникла в души.

Каждый малое мог величать великим
И ковать сам на себя крамолу.
А неверные отвсюду приходили -
Русскую захватывали землю,

15

Как далеко залетел ты, сокол,
Бьющий птиц почти у края моря!
А вот храброй Игоревой рати

Нам теперь уж не вернуть - не воскресть.
Ныне, знать, по ней справляя тризну.
Громко плачет-причитает Карна.
Желя понеслась по землям русским,
Сыпля огнь из пламенного рога.
Жены русские запричитали,
Зарыдали в горе и печали:
«Как мы будем без мужей жить милых, -
Кто теперь нас пожалеет, сирых?!
Нам ни мыслию их не промыслить,
Нам ни думою их не придумать!
Их уже не повидать очами -
Будут сниться лишь они ночами.
И не жить отныне нам богато, -
Не коснуться серебра и злата!..»

16

Зарыдал Чернигов от напасти,
И от горя застонал град-Киев,
Разлилась печаль по землям русским,
Как вода во время половодья.

А князья все разжигали распри -
Спорили, ругались и рядились.
А неверные, творя набеги,
Облагали Русь тяжелой данью:
С каждого двора они повсюду
Брали по серебряной монете.

10

Это братья, Всеволод да Игорь,
Обособившись, зло разбудили,
То, которое отец их Святослав -
Киевский великий, грозный князь -
Успокоил твердою рукою.
Всех и вся заставил трепетать он
И своими сильными полками,
И своими острыми мечами
Половецкие попрал он земли.
Потоптал холмы их и овраги,
Замутил их реки и озера,
Иссушил ручьи их и болота.
Он тогда неверного Кобяка
Из полков огромных половецких
Вырвал, словно смерч, своей рукою.
И упал в град-Киеве тот на пол
В гриднице у князя Святослава.
Тут и немцы, и венецианцы,
Тут и мороване, тут и греки,
Прославляя мудрость Святослава,
Осуждали Игоря за то, что
Уронил он честь на дне Каялы,
Золото там русское рассыпал,
И за то, что из седла златого
Пересел в невольничье седло.
Приуныли городские стены,
И веселье в городах поникло.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Сон приснился Святославу - мутный сон.
А наутро так о нем поведал он:
«Будто ночью здесь, на киевских горах,
Возлежал на ложе тисовом мой прах.
И меня покрыли черной пеленой,
И поставили вино передо мной.
И почерпали мне то зелено-вино, -
С горькой желчью было смешано оно.
И окатный жемчуг сыпали на грудь
Из пустых колчанов половецких.
Провожал меня в последний скорбный путь
Плач бояр и воев княженецких.
Был уж без князька на крыше терем мой,
И всю эту ночь крича над головой
Враны кровожадные кружились.
А у Плесенька на низком берегу -
На огромном, ровном заливном лугу -
Вдруг овраги Кияни раскрылись
И до самого простерлись моря,
Предвещая русским землям горе...»

2

И бояре князю отвечали:
«Смутен сон твой, княже, от печали.
Это скорбь твой ум заполонила -
Он не может все забыть, что было.

Это ведь два сокола слетели
Со златого отчего престола
Потому что дела не простого
Испытать, наверно, захотели.
И для этого им было надо
Поискать Тмуторокани-града,
Иль хотя б испить шеломом Дона -
Вот зачем они ушли из дома.
Только сила перешла в бессилье -
Подрубили половцы им крылья.
Кровью их одежды замочили,
В цепи их надежды заточили.
А на третьи сутки на Каяле
Наземь оба сокола упали -
Оба солнца закатились в горе,
Алых два столба погасли в море.
И два месяца покрылись тьмою -
Юные Олег и Святослав.
Мрак полночный светлый день поправ,
Воцарил над русскою землею.
А по ней, как барсовая стая,
Разбежались половцы-куманы,
Саблями булатными блистая,
Рассыпая всюду огнь и раны.
Застонали русичи в плену,
Закричала их земля от боли,
И хула напала на хвалу,
И нужда набросилась на волю.
Этим крикам, этим стонам внемля,

Всполошились гунны у Дуная,
С древа Див низринулся на землю
Молча - не крича и не стеная.
И в тот час на бреге синя моря
Готские красавицы запели,
Златом русским звонко зазвенели -
Им на радость было наше горе.
В радость им и наших женщин слезы,
В радость им и наших воев раны,
И поют они про время Боза,
И лелеют месть за Шарукана.
А когда ж и мы вот так же, княже,
Будем петь и веселиться тоже,
И поганых половцев накажем,
И конец набегам их положим?!»

3

Помолчал великий Святослав,
А потом заговорил он снова
И изрек он золотое слово,
С горькими слезьми его смешав:
«О, мои племянники, не раз
От беды остерегал я вас.
Игорь, ты и Всеволод-буй тоже,
Слишком уж горячего вы нраву:
Рано начали вы половцев тревожить
И искать себе мечами славу.
Но по чести их не одолели,
Хоть и пролили немало крови -

Ничего вы не добились, кроме
Срама и бесчестья в этом деле.
А ведь вы - два первых храбреца,
Кованы из твердого металла
Ваши закаленные сердца, -
Но в бою одной отваги мало.
Как же в битве той не устояли
Вы вдвоем - в одном строю едином?!
Что вы сотворили на Каяле?
Стыд моим серебряным сединам!..
Неужель ушла, и без возврата,
Храбрых русичей былая слава?
Почему не вижу я родного брата -
Сильного полками Ярослава?
Иль пропали у него мужчины -
Где ж его черниговцы-старшины?!
Иль они залечивают раны?!
Где ж его соратники и други:
Шельбиры, могуты и татраны,
Топчаки, ольберы и ревуги?!
Ведь они, бывало, без щитов,
Только с засапожными ножами,
Устремлялись с криком на врагов,
И полки в смятении бежали.
И они за это все по праву
Заслужили дедовскую славу.
А вот вы решили: «Мы и сами
Мужество обрящем в ратном деле -
Саблей прикоснемся к прежней славе,

Будущую - меж собой поделим!..»
Диво ль старому помолодети,
Коль в опасности семья и дети?
Ведь и бывший трижды в линьке сокол,
Хоть и стар, и немощен по виду,
Все равно гоняет птиц высоко -
Своего гнезда не даст в обиду.
Только вот одна беда, друзья,
Не желают мне помочь князья:
Не вступают в золотые стремена.
Наизнанку обернулись времена...»

4

Иль уж нету силы молодецкой?!
Кто же защитит и жен и чад?
Вот уже у Римова кричат
Русичи под саблей половецкой.
Преданы огню и град и весь.
Житницы стоят пусты - без хлеба,
И Владимир-князь изранен весь, -
Скорбь и горе ныне сыну Глеба.
Это все терпеть уже нельзя, -
Я зову на помощь вас, князья!

5

Князь могучий Всеволод! Ты, что ли,
На своем, на суздальском престоле
Перестал блюсти престол отца?!
А ведь мы знавали храбреца,

Верного и совести, и долгу!
А ведь ты и раньше даже Волгу
Веслами своими раскропить
И шеломом вычерпать весь Дон.
Иль врагов ты разучился бить
И в седло взбираешься с трудом?!
Если б ты повел на помощь рати,
Половцы бы спину показали,
И невольник шел бы по резани,
А невольница бы - по наготе.
Собери ж полки свои опять -
И ты сможешь посуху стрелять,
Словно шерширами живыми,
Сыновьями Глеба удалыми.
(Примечание. Шерширы - снаряды,
содержащие так называемый греческий
т.е. зажигательную смесь.)

6

О, ты, храбрый Рюрик и Давид!
Оба с делом ратным вы знакомы, -
Уж не ваши плавали в крови
Позолотой крытые шеломы?
Ратники не ваших ли полков,
Раненные саблей степняков,
Рыкали, как туры, умирая
Во поле неведомого края?
Подошли плохие времена, -
Встаньте же в златые стремена!

И, как ваши прадеды и деды,
Отомстите половцам в бою
И за раны Игоря, и беды,
И за землю русскую свою!

7

О, князь Галицкий - князь Ярослав!
Горный край твоей подвластен воле -
Высоко на золотом престоле
Ты сидишь, врагов своих поправ.
Ты не даром прозван Осмомыслом -
Управляешь мудро и со смыслом.
Грозными железными полками,
Словно бы могучими руками,
Затворил угорские те горы.
Королю их не дал на проторы
Выйти к устью синего Дуная.
Сам же в облаках ты груз немалый
Перебросил через перевалы,
Киеву ворота открывая.
И до самого Дуная тут
Ты вершишь свой справедливый суд.
Мощь твоя грозою потекла
В самые далекие пределы:
С золотого отчего стола
Ты в салтанов даже мечешь стрелы.
Так стреляй, владыка, Кончака -
Лютого кащея-степняка.
Бей его, как били наши деды,

И отмсти всем половцам в бою
И за раны Игоря, и беды,
И за землю русскую свою.

8

Доблестные князь Роман и князь
Мстислав!
Вас ведет на подвиг мысль живая.
Так вот сокол кружит, крылья распластав,
Птицу в небе одолеть желая.
Вы на подвиги, как этот сокол,
Яростно летаете высоко.
Есть у вас латинские шеломы,
А под ними, на груди, кольчуги -
Вам ни страх, ни робость незнакомы,.
И враги бегут от вас в испуге.
Хинову вы били и Литву,
Где бы только их не повстречали, -
Харалужными секли мечами
И косили их под корень, как траву.
Деремелы, половцы, ятвяги
Вашей не могли сдержать отваги, -
Так же, как литва и хинова,они,
Побросавши наземь сулицы свои,
Преклоняли перед вами стяги.
Но у русичей былой уж славы нет -
Обронил ее князь Игорь на Каяле.
Видно, не к добру померкнул солнца свет
И листву деревья потеряли.

Грады по Суле, по Роси, братья,
Половцы уже успели поделить.
А вот храброй Игоревой рати
Нам теперь уж не вернуть -
Не воскресить.
Кличет синий Дон князей все время -
Всех зовет ковать мечом свободу.
Ольговичи встали в злато-стремя -
За врагами бросилось по следу.

9

Вас, Ингварь, вас, Всеволод, и вас, троих
Храбрецов мстиславичего рода, -
Шестикрылых витязей своих, -
Кличет Дон для дальнего похода.

И хоть вы неправедным путем
Волости и грады расхватали,
Русь зовет и вас надеть шелом,
Взять свой щит и копья ляшской стали.

Веры и Отечества во имя
Защитите от неверных волю
И ворота заградите полю
Стрелами крылатыми своими.

И, как ваши прадеды и деды,
Отомстите половцам в бою
И за раны Игоря, за беды,
И за землю русскую свою!

10

Не течет Сула к Переяславлю
Чистою серебряной струею,
И Двина уже, под крик неверных,
Потекла болотом к половчанам.
Изяслав один лишь - сын Васильков -
Позвонил каленым мечами
О шеломы звонкие литовцев.
Превзошел он даже славу деда,
Волшебством известного, - Всеслава.
Но и сам он был, спустя немного,
Под черленными щитами тоже
На траву кровавую повержен
Острыми литовскими мечами.
И уже пред самой смертью, кровью
Истекая юной, произнес он:
«Враны верно-синими крылами
Приодели, князь, твою дружину,
Пролитую кровь слизали звери...»
Не было с ним брата Брячислава
И другого - Всеволода - тоже.
И совсем один в литовском поле
Из отважного, младого тела
Изронил жемчужную он дугу
Через золотое ожерелье.
Приуныли головы, поникло
В Полоцке на улицах веселье.
Только лишь печально и тоскливо
Трубы городенские трубили.

10

Ярослава кнуки и Всеслава!
Выпали из дедовской вы славы.
Преклоните долу ваши стяги,
В землю русскую вонзите меч, -
Он раздора меч, а не отваги,
Родину таким не уберечь.
И пока он чести не добудет,
До тех пор покрыт позором будет.
В ссорах позабыв и долг, и братство
Сами вы неверных навели
На просторы и своей земли,
И на все Всеславово богатство.
Из-за ваших распрей, из-за смуты
И пришел на Русь к нам ворог лютый.
Он мечом насилье к нам принес -
Реки крови, море горьких слез.

12

Шел седьмой, последний век Трояна.
Князь Всеслав на счастье кинул жребий:
Он, престола ради, рвался в Киев,
Словно ради девицы любимой,
Овладеть которой жаждал страстно.
Опершись, как на клюку, на хитрость.
Раздобыл себе коней он борзых,
На которых и примчался в Киев.
Но едва дотронулся копьем

До златого древнего престола,
Вынужден он был бежать оттуда.
Прыснул он из Белгорода в полночь -
(Примечание. Белгород - пригород Киева,
княжеская резиденция.)
Лютым зверем, хитрой, ловкой рысью.
Тихо пробежал на мягких лапах
И исчез, укрывшись синей мглою.
Вскорости он к Новгороду вышел
И, умев сорвать удачу трижды,
Новгородские открыл ворота
И расшиб тем славу Ярослава.
А потом внезапно из Дудудок
Прыгнул волком на брега Немиги
И на ток для молотьбы попал он.
На току том не снопы молотят -
Устилают ток тот головами.
Не цепями бьют там, а мечами,
Выбивают не зерно, а жизни
И от тел отвеивают души.
На кровавых берегах Немиги
Князь Всеслав кругом поля засеял.
Но засеял не зерном отборным,
А засеял русскими костями.

13

Он, Всеслав, всем людям суд творил,
А князьям он города дарил
Ради славы, толи злата ради

Рыскал он, как зверь, в ночном тумане:
Вечером еще он в Киев-граде,
А наутро уж в Тмуторокани.
Даже Хорсу, солнечному богу,
Волком он перебегал дорогу.
Говорят, что был кудесник он:
Если в Полоцке, в святой Софии,
Раннюю заутреню звонили,
То он в Киеве тот слышал звон.
И хоть душу вещую имел он,
Но она со своевольным телом
Не справлялась очень много лет,
Потому немало знал он бед.
Он сказал однажды где-то,
Что преследует, рок.
И Боян, в ответ ему на это,
Поговорку давнюю изрек:
«Будь хоть мудрецом, хоть ловкачом,
Будь хоть волхвом, даже и тогда
Кары не избегнешь нипочем -
Не минуешь Божьего суда...»

14

О, стонать тебе, земля родная,
Времена иные вспоминая, -
Вспоминая славу прежних лет
И князей, давно которых нет.
Старого Владимира, который
Днепр любил и киевские горы,

Только князь к ним не был пригвожден.
Далеко ходил в походы он.
Бил врагов налево и направо,
Храбростью в бою был знаменит,
А теперь его знамена славы
Поделили Рюрик и Давид.
Но, увы, их стяги врозь парят
Да и копья их поют не в лад.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

То не птица над Дунаем славным
Кружит с грустным криком в вышине,
То в Путивле плачет Ярославна
Поутру на городской стене.

«Полечу я чайкой по Дунаю,
Омочу шелков рукав в Каяле,
Оботру шелковые я раны
На могучем Игоревом теле...»
Над Путивлем ветер своенравно
Облака гоняет в синеве...
Причитает, плачет Ярославна
Поутру на городской стене:

«Ветер-ветрило! Славный господине,
Ты скажи, зачем так сильно веешь?

И зачем ты легкими крылами
Половецкие подъемлешь стрелы, -
Мечешь их на Игорево войско?
Аль тебе уж ноне стало мало
Горы обвевать под облаками,
Корабли носить на синем море?
Ах, зачем же, ветр, мое веселье
По степи ковыльной ты развеял?

Сейм-река в Путивле плещет плавно
И ладьи качает на волне...
Сиротливо плачет Ярославна
Поутру на городской стене:

«Днепр Словутич, ты вот так же плещешь,
Протекая в землях половецких.
Пробивал ты каменные горы
И ладьи носил ты Святослава
До полков поганого Кобяка.
Принеси ж ко мне, о господине,
Моего любимого супруга,
Чтобы я ему не посылала
Горьких слез на море утром ранним...»

Над Путивлем гордо и державно
Всходит солнце в чистой синеве,
И все так же плачет Ярославна
Поутру на городской стене:
«Солнце трижды светлое светило,

И тепло для всех ты, и прекрасно,
Ты зачем, владыко, простираешь
Жаркий луч на храбрых воев лады?
И зачем в безводном душном поле
Страшной жаждой луки их скривило
И тоской замкнуло их колчаны?..»

2

Билось море ночью возле скал, -
Южный ветер гнал за валом вал, -
Смерч промчался к северу по Дону.
Уж не сам ли Бог к родному дому, -
К золотому отчему престолу, -
И горю дорогу указал?
Этой ночью князь не спал почти -
Мысленно он мерил без конца
Самые различные пути,
Что ведут от Дона до Донца.
А уж в полночь, раздобыв коней,
Тихий свист издал Овлур сквозь мрак,
Этим князю подавая знак,
Что, мол, надо уходить скорей.
Словно с глаз сорвали пелену, -
Понял князь - не быть ему в плену.
Радостью внезапной поражен,
От волненья даже вскрикнул он,
Загремела, вздрогнула земля,
Зашумели волны ковыля,
Пошатнулись половцев шатры,

Искрами рассыпались костры.
Соколом взлетев под облака,
Князь свой путь узрел издалека.
Горностаем бросившись к реке,
Он следы запутал в тростнике.
За рекой Овлур ждал притаясь, -
Гоголем поплыл к Овлуру князь.
Зная, что плывет в краю чужом,
Тихо выполз на берег ужом.
На коня вскочил он, словно рысь,
И они с Овлуром понеслись, -
Поскакали от неверных прочь,
Головами рассекая ночь.
Только Игорь соколом летит,
А Овлур как серый волк бежит.
Княжий конь друг спотыкаться стал, -
Видно, в скачке сильно приустал.
Спрыгнул князь с коня проворным волком,
Полем побежал, а не проселком.
Сторонясь селений и людей,
Князь на север лесом уходил, -
На обед стрелял он лебедей,
Уток и гусей на ужин бил.

3

Не кричит картавый черный ворон,
Верно, не проснулся до сих пор он.
Неизвестно, по какой печали
На кустах сороки замолчали -

Вечные вертушки и трешетки.
Только дятлы где-то вдалеке
Указует князю перестуком четким
Путь к Донцу - к его родной реке.
Да веселой песней соловьи
Возвещают торжество зари.

4

«О, князь Игорь, - говорит река Донец,
Вот и повстречались, княже, наконец.
Ты велик и славен, хоть кого спроси,
Ты принес веселье нынче на Руси…»
И ответил Игорь: «О, Донец-река,
Ты ведь тоже и славна, и велика.
И всегда была ты добрым другом мне, -
Ты меня качала на своей волне,
И ребристо-белый берег меловой
Для меня зеленой выстлала травой.
Под листвой деревьев, на закате дня,
В теплые туманы кутала меня.
Стерегла река, ты, всюду мой покой -
Гоголем на волнах, чайкой над водой…»

5

А река Стугна совсем иная -
К устью мчится, словно расширяя,
Пожирая по пути ничьи
Мелкие потоки и ручьи.
И дурная, злая сила

Князя Ростислава погубила -
Возле брега, в темной глубине,
Затворила юношу на дне.
Плачет мать на берегу в печали,
Птицы плачут, ей тихонько вторя,
Цветы от жалости повяли,
И склонились дерева от горя.

6

Не сороки по кустам стрекочут -
Фыркают и ржут устало кони:
Вот уже два дня, три ночи,
Как они без отдыха - в погоне.
То Кончак и Гзак вблизи Донца
Всюду ищут князя-беглеца, -
Ищут-рыщут - не найдут никак.
Кончаку тогда промолвил Гзак:
«Если сокол в дальнюю сторонку
Улетит к себе домой,
Мы тогда застрелим соколенка
Золоченою стрелой...»
Помолчал чуть-чуть Кончак
И ответил Гзаку так:
«Если сокол все-таки умчится -
Улетит к себе домой,
Соколенка красною девицей
Мы тогда опутаем с тобой...»
Усмехнувшись, старый Гзак
Кончаку ответил так:

«Коль девицею его пленим,
То расстанемся и с ней, и с ним.
Нас тогда обоих будут вволю
Бить все птицы в половецком поле…»

7

Много мудрого умел Боян изречь.
Как-то раз он так сказал: «Увы,
Тяжело быть голове без плеч,
Плохо телу быть без головы».

Плохо было и без Игоря Руси -
Мрачно, будто солнца нет на небеси.

8

А вот нынче радость в небесах -
Солнце светит, словно бы смеясь.
Та же радость в птичьих голосах -
Наконец вернулся Игорь-князь.
На Дунае девицы поют -
Тоже нас порадовать хотят,
Через море голос подают -
Песни аж до Киева летят.

9

По Боричеву к Подолу
Спуск крутой -
К Пирогощей Богородице святой,
И по той дороге к храму едет князь,

Хочет он домой вернуться помолясь.
Возвращенью князя всюду рады -
Страны в радости, в веселье грады.
Только славу первую по праву
Пожилым князьям
Поют - князьям седым,
Но, по совести, сегодня славу
Надо бы пропеть и молодым.
Слава Игорю свет Святославичу
И буй-туру - князю Всеволоду,
И Владимиру тож - сыну Игоря!
Слава всем, кто землю защитил свою
И рубил поганых нехристей в бою!
Пусть князья с дружиной будут здравы,
Пусть их осенят знамена славы!
Аминь.

Перевел с древнерусского **Юрий Разумовский.**

Издание готовили:

Николай Куценко - потомственный хлебороб, инженер, директор частного сельскохозяйственного предприятия «Агро-98».

Юрий Разумовский - поэт.

Владимир Рева - журналист, мастер художественной фотографии.

Борис Яроцкий - писатель, доктор философских наук, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Где это было? 3

2. Слово о полку Игореве 37

Матеріал набраний і зверстаний на комп'ютерному комплексі та віддрукований у ТОВ "Лнсичлнськл ТПК".

Підписано до друк. 04.04.2006 г. Формат 60х84/16. Папір офсетний. Друк офсетний. Умов. др. арк. 5,78, обл. вид. арк. 2,75. Тираж 2000. Замовлення № 294.

Адреса: 93100, м. Лисичаиськ, вул. Ленінградська, 42.

Телефони: 4-59-17, 4-58-94.